

С.С. Гиль

**КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ**

В течение 15 лет развития государственной молодежной политики в России официальное и законом утвержденное право на существование и регулирование всей сферы работы с молодежью получил только один документ — Постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации». В научной работе С.П. Иваненкова [1] предпринят детальный анализ текста этого документа и той борьбы, которая разыгралась между старой и новой политическими элитами России в процессе его принятия. Собственно самого анализа, представленного С.П. Иваненковым, достаточно для того, чтобы понять, почему в течение последующих лет в России долго не появлялись иные законодательные акты в сфере молодежной политики.

В то же время, в течение последнего десятилетия попытки разработать и представить проекты федеральных документов на утверждение Правительству, Федеральному собранию и Президенту РФ, предпринимались неоднократно. И почти все они были безуспешными, за исключением Концепции государственной молодежной политики, одобренной Правительственной комиссией по делам молодежи, которой руководила вице-премьер Российского Правительства В. Матвиенко.

2006 год с точки зрения воспитания нового поколения россиян имеет определенное знаковое значение, поскольку Постановлением Правительства от 18 декабря 2006 г. была утверждена Стратегия государственной молодежной политики России до 2016 г. — по сути, первый с начала 1990-х годов государственный акт федерального уровня в сфере воспитания российской молодежи.

Четыре принципиальные идеи формируют содержательный костяк этого документа:

- молодежь — субъект общественной жизни;
- общество и государство заинтересовано, чтобы молодежь, в силу различных причин отстраняемая и отстраняющаяся, была вовлечена и интегрирована в полноценную жизнь общества;
- молодежь, обладая специфическим инструментом взаимодействия с обществом и государством — инициативой, может вступать в эффективное взаимодействие посредством проектной деятельности;

- государство и общество должны и могут предложить молодежи простые схемы не программно-целевого, а проектного управления молодежной политикой и молодежной сферой.

Появление такого рода конструкции не случайно — оно продиктовано всей историей молодежного вопроса в современном мире и в России, в частности, а более конкретно — поиском и конструированием междисциплинарных концепций отношения к молодежи на протяжении всего XX столетия.

Следует напомнить, что современная наука, и российская, в особенности, не определилась однозначно в отношении самого понятия «молодежь» и ведущих терминов, определяющих суть процессов роста молодого человека в современном обществе.

С одной стороны, социология определяет *молодежь* как современную социально-демографическую группу, подчеркивая ее значение именно как демографической, возрастной, описывает в многочисленных работах ее роль в общественном воспроизводстве, положение в социальной структуре и особенности взаимодействия с другими социальными группами и общностями. Одновременно представителями структурно-функционального подхода XX в. Э. Дюркгеймом, Д. Беллом, Т. Парсонсом, П.А. Сорокиным и др. внесен фундаментальный вклад в осмысление проблем молодежи как целостной группы. Важную роль в создании теории межпоколенного взаимодействия сыграли работы Р. Мертона, Ш. Эйзенгарта, Э. Фромма. С их помощью разработан теоретико-методологический базис для целостного анализа социокультурных преобразований, групповой динамики, обосновано доминирование социальных систем в регулировании и стабилизации личностных ценностей. Изучение крупных социокультурных систем позволило ученым рассмотреть совокупность нормативных ценностей, лежащих в основе социального поведения личности и групп, выявить проблему социальной аномии.

Понимание молодежи как самостоятельной социальной группы в СССР сложилось в 60-е годы XX в. В качестве предмета научного анализа советскими общественными науками были избраны: социальная мобильность молодежных групп (М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов), проблемы образования и социальной ориентации молодежи (Е.Г. Вознесенская, Д.Л. Константиновский, В. Собкин, Г.А. Чередниченко, Ф.Э. Шереги, В.Н. Шубкин), социально-политической активности подрас-

тающего поколения (М.Д. Александрова, А. Капто, В. Мордкович), формирование молодых представителей рабочего класса (Н. Блинов, Б. Павлов), изучение объективной и субъективной сторон социализации (А. Ковалева).

Время реформ — 1990-е годы — породили значительный интерес к изучению адаптационных и интеграционных процессов в молодежной среде (Ю.А. Зубок, В.Т. Лисовский, М.Х. Титма, А.А. Семенова, В.И. Чупрова).

К числу важнейших характеристик молодежи, признанных поздней советской и ранней российской научной мыслью, следует отнести наделение молодежи определенной долей социальной субъектности. Именно в контексте проблем социального воспитания психолого-педагогическая наука того периода, в той или иной степени соответствуя государственному заказу на формирование человека нового коммунистического времени, создала системный пласт теории, методологии и технологии развития молодого поколения.

Период реформ не ликвидировал интерес к молодежной проблематике в России, но весьма точно продемонстрировал основное противоречие всякого переходного периода, а именно отсутствие заказа со стороны трансформируемого общества и государства по отношению к проблемам воспитания как отражение несформированного понимания и воли.

Именно поэтому 90-е годы прошлого века и начало XXI в. следует представлять в истории педагогической мысли как период фрагментарного самоопределения локальных научных школ по отношению к отдельным практикам и институтам, влияющим на воспитание молодежи. Неслучайным в этой связи представляется интерес исследователей к истории и практике деятельности крупнейших детских и молодежных организаций советского времени и текущего периода. Одновременно проведены исследования, доказывающие эффективность форм детской и молодежной самоорганизации, определены теоретические основы развития многообразного детского движения в современной России (Л.В. Байбородова, А.В. Волохов, В.Н. Кочергин, В.А. Кудинов, М.И. Рожков, Р.А. Литвак, Т.В. Трухачева, Е.Б. Штейберг); активно изучается и представлено разнообразными материалами такое направление общественных инициатив, как деятельность так называемого «третьего сектора» общества (О.В. Зыков, Т. Литвальд, Б.Л. Рудник, С.В. Шишкин, Н.Л. Хананашвили, Л.И. Якобсон), появились работы, изучаю-

щие феномен волонтерства и социальных детских и молодежных инициатив в российских условиях (С. Тетерский), движение «общественно-активных школ» и т.д. В рамках научной дискуссии о теории социализации представлен потенциал детских и молодежных организаций как носителей социальной активности молодежи (А.В. Волохов, М.З. Ильчиков, М.С. Комаров, В.Т. Лисовский, П. Митев, А.А. Реан, Б.А. Смирнов, Д.И. Фельдштейн, И.И. Фришман).

И все это на фоне, крайне противоречивого отношения к теории воспитания детей и молодежи как к таковым, в контексте и применительно не к масштабу личности ребенка и молодого человека, а в пределах того образовательного института, где он проводит определенное время: школа, ПТУ, вуз (Л.В. Алиева, И.А. Зимняя, В.А. Караковский, Л.И. Новикова, Н.Л. Селиванова, Е.Е. Чепурных и др.).

С высоты прошедших почти уже 20 лет развития педагогической и социально-педагогической мысли следует вести разговор, прежде всего, о накоплении массива научного и прикладного знания, опыта, так необходимого науке для обоснованного прогностического и технологического рывка, вслед за которым начнется развитие нового созидательного этапа формирования ценностного компонента воспитания российской молодежи.

Таким образом, непродолжительная история молодежного вопроса в науке создала серьезный массив трудов и позиций, к сожалению, стоящих особняком по отношению к самой молодежи. Именно в этом следует рассматривать одну из первых характеристик контекста воспитания молодежи в современном мире.

Одновременно вторая характеристика контекста современного воспитания — *отчуждение* молодежи от жизни общества, представляемое как системное. Министерство образования и науки РФ в ходе разработки и обсуждения проекта Стратегии представило следующие данные, подтверждающие гипотезу отчуждения молодежи от общественной жизни:

— В выборах даже федерального уровня участвует менее половины молодых россиян, в ходе последнего исследования лишь 33% молодых респондентов (до 35 лет) заявили, что интересуются политикой, тогда как среди граждан среднего возраста — 40%, а среди тех, кто старше 55 лет — 45% [2].

— Только 2,7% молодых людей более или менее постоянно принимают участие в деятельности общественных организаций [3].

Сходные тенденции в США и странах объединенной Европы стали основанием для внедрения специальных программ по вовлечению молодежи в общественно-политическую жизнь.

В условиях глобализации и вынужденного притока мигрантов молодежь призвана выступить проводником идеологии толерантности, развития российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений. Однако в настоящий момент российская молодежь демонстрирует противоречивое отношение к этой роли. Согласно опросу, 35% молодых людей в возрасте 18–35 лет испытывает раздражение или неприязнь к представителям иной национальности, 51% одобрил бы решение о выселении за пределы региона некоторых национальных групп [4].

Продолжает снижаться возраст вступления молодежи в социально-экономические отношения. Уже сейчас, как свидетельствует последний всероссийский опрос, 34% опрошенных заработали свои первые деньги до 15 лет, еще 44% — с 15 до 17 лет включительно, 11% начали зарабатывать деньги в 18 лет и лишь 10% — в 19 лет и старше [2]. При этом различные отрасли экономики принимают молодые трудовые ресурсы крайне неравномерно. Если в сфере услуг и предпринимательства молодежь уже сегодня составляет — и будет составлять — значительный процент работающих, то в социальной бюджетной сфере и сфере государственного и муниципального управления доля молодых работников сегодня незначительна. Это может привести к потере преемственности в кадровом обеспечении, сделать невозможным реформирование и привести к системному кризису в социальной сфере. Кроме того, нарастают противоречия между «объективно пожилой» по кадровому составу социальной сферой и относительно молодой сферой бизнеса. Такая ситуация не способствует готовности бизнеса взять на себя необходимую стране долю ответственности за социальную сферу.

Начиная с 1990-х годов до 3 млн увеличилось число молодых пар, которые проживали без юридического оформления брака [5], что привело к реальному росту внебрачных детей, увеличению количества неполных семей. Эти тенденции сохраняются и сегодня.

В качестве одного из наиболее острых, перед молодежью и обществом встанет вопрос о жилищном обеспечении. Несмотря на модернизацию и реформирование жилищно-ком-

мунального хозяйства, старение жилого фонда, неразвитость форм найма жилья провоцируют рост цен на жилье и его аренду в Российской Федерации. Даже после принятия нового жилищного кодекса не понижаются процентные ставки по ипотечным кредитам. В то же время, в рамках сложившейся практики содействия жилищному обеспечению молодежи, было выделено целевых субсидий из федерального бюджета не более чем для 6 тыс. и за счет региональных бюджетов для 59 тыс. молодых семей. Такие результаты не могут оказать существенного влияния ни на изменение положения молодых людей, ни на изменение демографической ситуации в стране.

Жизнь молодого человека в предполагаемых условиях не будет развиваться линейно, как последовательность простых переходов — от основного образования к профессиональному, от учебы к работе, от жизни в родительском доме к созданию собственной семьи. Новые условия потребуют от каждого молодого человека и его семьи мобильности, поиска новых нестандартных индивидуальных вариантов построения своей жизни.

Отчуждение человека не является для науки новым явлением или термином. Отчуждение человека от жизни в современном обществе является одним из болезненных проявлений цивилизации.

Одновременно, антиподом отчуждения на уровне действия может стать *вовлечение* молодого человека в полноценную жизнь.

Современная философская и педагогическая науки накопили достаточный арсенал концептов, объясняющих и связывающих два этих процесса.

Философия считает, что отчуждение — категория, описывающая парадоксальность человеческого бытия, процессы и ситуации, в которых человек становится чужд своей собственной деятельности, ее условиям, средствам и результатам и самому себе.

Социальная философия ориентирована не столько на общие определения отчуждения, его сущности, «природы» и т.п., сколько на выяснение его различных социально-исторических форм, на эволюцию самой проблемы отчуждения и на выявление динамики социальных концепций отчуждения, сменяющих друг друга в философии и общественном сознании. Среди последних особое место занимают концепции немецкой философской классики XIX в., связавшие проблемы отчуждения

с трактовкой человеческой деятельности, таких ее характеристик, как объективация, овещнение, опредмечивание. В этих концепциях, в частности в концепции К. Маркса, была сделана попытка отделить отчуждение человеческих сил от их опредмечивания, обобществления, объективации. Маркс рассматривал отчуждения как присвоение одними людьми сил, средств и результатов деятельности, принадлежащих другим, т.е. он трактовал отчуждение как общественное отношение, как отношение собственности. Впоследствии эта идея была вульгаризирована, и понимание собственности сузилось до понимания вещественного богатства, а преодоление отчуждения стало представляться как преодоление таким образом понимаемой собственности.

По мысли японского философа Я. Сабуро, историческая действительность, в которой мы теперь живем, это общество, способное удовлетворять *необходимые от природы*, потребности его членов, но оно находится на такой стадии развития производительных сил, что не способно удовлетворить непрерывно растущие и обновляющиеся собственно человеческие потребности. Возможности этого общества определяются общественными производственными отношениями, соответствующими данной стадии развития производительных сил. Иначе говоря, речь идет о социально и исторически обусловленной реальной действительности. В условиях этой реальной действительности материально-предметная практика не может не принимать пассивные формы проявления; экстериоризация не ведет к самоутверждению, она проявляется как отчуждение.

Теперь важно установить, каково различие и связь экстериоризации и отчуждения. Это чрезвычайно важно как для выяснения того, почему экстериоризация — опредмечивание сущностных сил человека проявляется в виде враждебного индивиду отчуждения только таким путем, так и для выяснения различия и связи всеобщих форм человеческой деятельности, а также ее исторических форм, в которых она выступает в определенных социальных условиях. Разобраться в этом вопросе весьма важно также и с точки зрения метода выявления внутренней связи отчуждения и развития — выявления того, как сказывается на *развитии* детей и юношества в буржуазном обществе процесс их жизнедеятельности: экстериоризация — освоение, порождающее отчуждение.

Итак, структура отчуждения находит типичное проявление в труде в буржуазном обществе. Чем больше рабочий *экстериоризирует* свой труд, являющийся сущностной силой человека, его родовой сущностью, тем больше противостоят рабочему как враждебная ему сила продукты труда, утратившие свою предметность продукты труда, в которых опредметилась родовая сущность человека. Продукты, производимые трудом рабочего, превращаются в богатство (частную собственность) капитала; они становятся, таким образом, силой, враждебной рабочему. Рабочий умножает господствующую над ним силу. Таков результат его труда.

Экстериоризация труда является здесь прежде всего *отчуждением продуктов труда*. Превращение продуктов труда в силу, враждебную рабочему, означает, что при распределении рабочий не овладевает на еще более высоком уровне своей родовой сущностью, наоборот, труд при этом выступает как «деятельность, независимая от рабочего, не принадлежащая ему», и то, чем он овладевает в результате экстериоризации труда, становится не *самоутверждением*, а утратой своего «я»; *наслаждение* же выступает как подавленное *страдание*. Таким образом, отношения субъекта и объекта, возникающие в результате экстериоризации труда — отчуждения продуктов труда, становятся для субъекта отчуждением самого труда. Отчуждение труда ведет к *потере воли*. Поскольку труд является родовой сущностью самого рабочего, при отчуждении продуктов труда, при отчуждении труда рабочий обретает присущие ему как человеку сущностные силы во враждебном ему распределении, в находящихся вовне его предметах как таковых. Акт самоутверждения посредством экстериоризации труда, опредметивания, напротив, переходит в свою противоположность и, следовательно, в самоотчуждение. Чем больше рабочий затрачивает свои человеческие силы, труд, тем больше он утрачивает *человечность*. *Очеловеченные данные от природы* силы самого рабочего, его *человеческие* чувства, силы его разума оказываются парализованными. Человеческие сущностные силы самого рабочего отчуждаются от него, когда он овладевает (развивает) *качественно* новыми силами. Таким образом, отчуждение труда *отчуждает* человека от природы. Это лишает материально-предметную практику человека способности восполнять то, что ему недостает, продвигаться к *освобождению* от природных и общественных

ограничений. Это лишает человека возможности очеловечивать свою собственную природу, опустошает его материально-предметную практику, а, следовательно, и его жизнедеятельность.

Поскольку отчуждение человека от природы выхолащивает опредмечивание его родовой сущности, постольку оно отчуждает его от жизни как *представителя рода*. Родовая особенность существования человека состоит в том, что люди нуждаются друг в друге и живут совместно, освобождаясь от всевозможных ограничений. Поэтому отчуждение человека от жизни рода приводит к тому, что люди начинают относиться друг к другу только как к средству, отрываются друг от друга, утрачивают общность своей жизни. Если труд сводится только к средству для пропитания, то над людьми начинают господствовать физические желания, их деятельность утрачивает сознательный целенаправленный характер, и по мере утраты ими человеческих чувств их жизнь становится похожей на жизнь животных. Это приводит к таким отношениям, когда происходит отчуждение людей друг от друга, отчуждение человеческой сущности, т.е. *отчуждение человека*. Отчуждение продукта труда *непосредственно* выражает отношения эксплуатации; отчуждение самого труда выражает отражение этих отношений в самом субъекте; отчуждение человека выражает то, что эти отношения пронизывают самую суть раскола, антагонизма родовой сущности человека и его современного состояния.

Как видно из всего вышесказанного, то, что является *необходимостью* и *потребностью* для индивида в реальной жизни, определяется содержанием «обработанного человеческим трудом окружающего мира», а то, реализует ли практика индивида его потребности, усвоит ли она предметное богатство, сделает ли богатство субъекта более содержательным, или, напротив, вместо реализации потребностей предметное богатство будет враждебно противостоять индивиду как нечто чуждое и проявляться как отчуждение — все это принципиально определяется стадией исторического развития общества, в условиях которого индивид живет.

Философские дискуссии об отчуждении и его преодолении развиваются не только в плоскости политической экономики и социально-экономических концепций общественного устройства и развития, но более всего в плоскости проблем философской

этики, посредством осмысления вопроса о субъектной роли самого человека, и в частности, молодого человека, в процессе опредметчивания своих сущностных сил и освоения окружающего мира. От древнекитайского мыслителя Мэн-Цзы до Эрика Фромма и советской школы марксистско-ленинской философии просматривается линия спорных размышлений о том, как может преодолеть и освоить человек то, что дано ему в качестве его ресурсов и потенциала, личного и общественного, приобретая себя. Конец 70-х — 80-е годы XX в. в отечественной философии ознаменованы всплеском интереса к проблемам освоения человеком собственных сущностных сил и общественных ресурсов. Это произошло в рамках развития принципиально важного направления исследований, связанного с самореализацией личности. Обзор важнейших философских и социально-психологических концепций и теорий самоактуализации и самореализации представлен в научных работах К.А. Абульхановой-Славской, В.И. Муляра, А.В. Шинкина и позволяет вычлениить те положения, которые имеют определяющее значение для решения вопроса о преодолении феномена отчуждения человека с позиции его самореализации.

В исследовании К.А. Абульхановой-Славской сделан важный вывод о роли самореализации в обществе. Личность в процессе самореализации вступает в отношения присвоения — отдачи. Анализ данных процессов позволил автору сделать вывод о поисковом характере процесса присвоения и отдачи. Поисковость присвоения обусловлена содержанием самореализации, активностью в выборе средств самореализации. Личность, самореализуясь, самоосуществляясь, не просто функционирует в обществе, а вкладывает себя в его ценности, в общественное производство.

Таким образом, чем шире возможности, предоставляемые личности обществом в поиске адекватных средств своего самоосуществления, тем значительнее отдача, получаемая обществом в результате становления еще одной личности.

Философское исследование В.И. Муляра выступает точкой отсчета в качественно ином отношении к проблеме самореализации. Автор изначально определяет формирующуюся целостность личности как результат взаимодействия двух начал — социального и индивидуального, двух сторон основного противоречия личности на уровне индивидуальности между социальным содержанием личности и индивидуальной формой

освоения и реализации этого содержания. В процессе исследования В.И. Муляр развивает положение о самореализации личности. Он представляет самореализацию как процесс раскрытия и реализации способностей, потребностей, знаний, умений, навыков, творческих возможностей личности благодаря индивидуальному практическому опредмечиванию.

Использование Марксовых категорий распредмечивания — опредмечивания позволяет В.И. Муляру представлять диалектику самореализации личности в структуре взаимодействия социального — индивидуального.

Распредмечивание (освоение социального в индивидуальной форме) выступает в качестве важнейшего момента самопознания, процесса выработки адекватной самооценки, духовного созревания личности, «когда человек учится быть человеком». Опредмечивание (реализация творчески освоенного социального содержания) — в качестве практического закрепления духовного самопознания деятельностным, «которое показывает личности ее масштаб, а стало быть, и возможности самореализации».

Содержательным элементом самореализации, равно как и принципиальным условием ее осуществления, является, по мысли В.И. Муляра, свобода. Свобода и самореализация выступают как условия и осуществление, как возможность и действительность. Свобода — необходимое условие самореализации личности. «Самореализация — деятельное воплощение свободы».

Свобода в самореализации — необходимый субъективный элемент, ибо в процессе самореализации личность преодолевает противоречие между необходимостью и свободой, свобода становится содержанием необходимости.

Автор выделяет в исследовании необходимые условия, обеспечивающие личностный уровень самореализации:

- сознательная постановка целей, определение путей, ведущих к их достижению, характер практических действий по реализации намеченного;
- выработка адекватной самооценки;
- ответственность как оборотная сторона свободы.

Самореализация, таким образом, выступает как процесс целенаправленного сознательного раскрытия сущностных сил человека, основанного на их адекватном самопознании и самооценке. «Она характеризует такой уровень личностного развития, при котором человек способен на самостоятельный контроль своей

жизни, когда личность самоопределяется не только по отношению к событиям, но и по отношению к ходу жизни в целом, когда обстоятельства имеют всего лишь сиюминутную силу над ней».

Философские концептуальные разработки советской научной школы философии позволяют сформулировать на социально-педагогическом языке те принципиальные условия, которые необходимо создать в процессе становления и воспитания молодого человека, максимально обеспечив его вовлечение в реальные процессы жизнедеятельности и оказав поддержку в процессах его самореализации и самовоплощения.

Вслед за работами А.В. Шинкина, следует выделить минимум четыре условия социального и профессионально-педагогического содействия:

1. Молодой человек должен быть вовлечен в процесс приобретения и освоения новейших знаний, объясняющих законы жизнедеятельности и взаимодействия в обществе. Он должен освоить роль реального носителя этих законов в практике ежедневного действия.

2. Молодой человек крайне нуждается в получении и освоении знаний, объясняющих ему мир собственных возможностей, позволяющих ему преумножать и развивать свои ресурсы.

3. Молодые люди как группа индивидуальностей новейшего по отношению к поколениям отцов времени нуждаются в получении позитивного опыта применения своих возможностей — сущностных сил, для чего обществом взрослых должны быть созданы реальные площадки для получения этого позитивного нового опыта молодежи и закрепления успехов в новейшей реальности. По мысли С.П. Иваненкова, новейшее неопределенное время требует проектирования специальных социальных коридоров — как эффективно спроектированных траекторий, осваивая которые, молодые люди присваивают новейшее знание, формируют свой собственный опыт самоприменения в условиях позитивной поддержки со стороны общества взрослых, развивают собственные эмоционально-ценностные связи с открытым обществом.

4. Молодые люди должны развивать собственную систему эффективного ориентирования в социальной действительности посредством формирования и совершенствования механизмов самоанализа и рефлексии. Стало быть, общество взрослых должно вовлечь молодых людей в поиск ответов на самые сложные жизненные вопросы с учетом специфики

и возможностей получения достоверных ответов на каждом этапе становления молодежи.

Собственно, гипотеза созданной в России Стратегии государственной молодежной политики, принимая во внимание остроту проблем **отчуждения** молодежи, рассматривает ее **вовлечение** в жизнь общества как суть процесса воспитания и развития молодого человека.

Одновременно следует подчеркнуть, что в конструировании такого подхода российская наука и сфера государственного управления значительно отстают от темпа международного признания значимости теории и методологии вовлечения молодежи в жизнь общества.

Миссия созданного в 2006 г. проекта Стратегии государственной молодежной политики — продвижение общегосударственного подхода в отношении к молодежи, формирование некоего общероссийского стандарта предложений для развития молодежи на всей территории страны. И в этой связи проект Стратегии не узурпирует и не монополизировывает интересы и особенности регионов и муниципалитетов страны, но транслирует тот базовый набор действий, который должен быть совершен в отношении молодежи на территории всей страны.

Принципиальным в этой связи становится вопрос о том, что предложит общероссийская модель действий в отношении молодежи. Каким смыслом наполнится вся структура государственной молодежной политики в ближайшие десятилетия.

Мы полагаем, что предлагать ответы на эти вопросы вне контекста общемирового развития — непростительная самоуверенность. Одновременно убеждены и в том, что попытка построения модели перспективной развивающей политики в отношении молодежи исключительно с установкой на применение собственного опыта — и положительного советского, и противоречивого российского — не позволит такой политике создать выгодные преимущества и резервы, которые будут востребованы страной уже в 2010 г. Именно с 2010 г. на работающее, читай, молодое поколение увеличится трудовая нагрузка в связи с ускорением процессов старения нации.

Молодежная политика призвана вовлечь молодых россиян в процессы созидания настоящего и действенной подготовки к жизнедеятельности в условиях будущего, которое крайне плохо прогнозируется. Неслучайно будущее все более и более представляется учеными как время стабильной неопределенности.

Одновременно следует подчеркнуть, что в России к настоящему времени фактически утрачены ресурсы и институты, способные заниматься долговременным фундаментально обоснованным прогнозированием экономического и социального развития. Неслучайно основной поток управленческих решений федерального и регионального уровней рассчитан максимум на 5 лет. В то же время содержание и перспективы всякой молодежной политики связаны с тем временем, когда повзрослевшие молодые люди смогут полноценно функционировать в обществе, эффективно обеспечивая его развитие квалифицированным трудом и управлением.

Российская политика сегодня обладает редким шансом переходной эпохи, когда эффективное присвоение мирового позитивного, в том числе и собственного, опыта развития применительно к перспективам и вызовам грядущего может обеспечить формирование неограниченных ресурсов, необходимых для стратегического прорыва страны. Для этого на теоретическом уровне необходимо учесть позитивы и негативы мирового развития, интегрировать собственный эффективный опыт в систему согласованных приоритетов действия, создать систему оперативной и стратегической оценки эффективности предпринимаемых действий. Собственно этот алгоритм и предложен проектом Стратегии государственной молодежной политики в качестве механизма создания эффективной системы вовлечения молодежи в полноценную жизнь общества.

Это и есть та содержательная конструкция, которая предложена в качестве идеи развития сферы государственной молодежной политики. Почему она? Почему вовлечение? Почему не воспитание?

Небольшого труда достаточно, чтобы понять простой факт. Язык, стиль и характер российской науки о молодежи, которые ярко проявляются в текстах официальных документов, несовершенны. Они лишь формируются и оттачиваются, в том числе, при помощи создания такого рода документов.

И в этой связи, все созданные до сих пор документы и концепции как звенья одной большой цепи, дополняют и связывают друг друга. В каком-то смысле и отрицают друг друга, с тем чтобы воочию продемонстрировать действие важнейшего философского закона «отрицания отрицания».

Все, что считалось актуальным и новым в конце XX в., оказалось уже в начале XXI в. усвоенным и не требующим такой детальной расшифровки.

Откровения программно-целевого подхода для всей сферы социального управления России середины 1990-х годов вытесняются попытками внедрения прямого правопользования уже в 2005 г. Это демонстрируют формулировки целей и задач проектов официальных документов. Логика их диалектического преобразования весьма убедительна: от программ для молодежи в целях ее развития и воспитания к предложениям о прямом задействовании и применении молодежью своих прав и созданных в стране возможностей в целях развития страны.

Однако то, что было не принято в конце XX в., с таким же трудом воспринимается и сегодня. Это вопрос о признании субъектной роли молодежи.

Собственно, весь пыл преобразований в России связан с либерализацией общественной жизни. А стало быть, с передачей самому человеку важнейшего из прав — решать, что для его жизни важно, а что нет. Решать и осуществлять свой выбор.

Демократическая и педагогическая общественность в мире давно ответила на вопрос о соотношении личного и общественного в жизни человека, и не абсолютизирует роль одного человека. Как и не преувеличивает роль государства и общества в жизни человека. Именно в поиске баланса между индивидуальным и общественным, формируется человек, дееспособный в сообществе и ответственный за свое развитие.

Как показывает структурный анализ целей, задач и инструментов, которые намерены использовать в работе с молодежью сторонники различных концепций молодежной политики, главный вопрос для дебатов и дискуссий — это именно тот самый вопрос о полноценности возможностей молодого человека, которые готовы открыть ему общество и государство.

Тексты документов государственной молодежной политики в России, написанных до 2005 г., показывают, что их авторы, декларируя право молодежи на самостоятельные решения, тем не менее, рассматривали самих молодых людей в качестве некоего «ресурса», «потенциала», которым они — авторы — были намерены воспользоваться в государственных интересах.

Это обозначает, что вопрос о субъектности молодежи решался однозначно — в пользу ее объектности. Как бы не пытались авторы текстов это оспорить.

Проект Стратегии государственной молодежной политики утверждает и подтверждает иное. А именно право молодых людей на самостоятельное и ответственное решение своих вопросов своими силами, а также теми ресурсами, которые ад-

ресует молодежи государство и общество в виде инвестиционных проектов и возможностей.

Именно поэтому, цель молодежной политики в проекте Стратегии сформулирована как «развитие потенциала молодежи», а не «как развитие и реализация потенциала молодежи», на чем настаивают многие из оппонентов и экспертов. Авторы проекта Стратегии убеждены в том, что реализовывать свой потенциал молодой человек может только самостоятельно, а вот развивать — при помощи тех инструментов и возможностей, которые созданы в обществе. Но только в случае, если он воспользуется этими возможностями.

Авторы проекта Стратегии, представляя цель новой политики, по сути, предлагают обществу своего рода гипотезу и алгоритм действия одновременно. Это — алгоритм **вовлечения**. Он включает в себя точную постановку цели: «Развитие потенциала молодежи в интересах России».

И это своего рода ответ на вопрос о том, на что ориентирован проект Стратегии — на самих молодых людей и расширение их возможностей в управлении страной, которая достанется им в наследство от поколения взрослых.

Развитие потенциала — это важнейшее из того, что могут сделать для молодых и вместе с ними взрослые люди сегодня, подготовив практикой собственных дел молодежь к жизнедеятельности в условиях той неопределенности и противоречивости, о которой говорят прогнозы развития европейских и российских ученых.

Развитие потенциала силами и возможностями страны, которой придется управлять сегодняшним молодым людям через 20–30 лет.

Инструмент развития потенциала — **деятельность и самодетельность молодежи**, ее вовлеченность в организацию собственной и общественной жизни, в процессы улучшения жизни в стране на своем уровне.

Инструмент взаимодействия государственной политики и молодежи — **российские молодежные проекты**, соответствующие важнейшим из интересов молодежи и России, выбранным на период действия Стратегии приоритетам.

Приоритеты государственной молодежной политики — важнейшие из направлений развития, выбираемые путем согласования с институтами гражданского общества, государства и молодежи, призванные обеспечить улучшение ка-

чества жизни поколений и достижение прорыва в политике (в проект внесено три таких приоритета).

Исполнители российских молодежных проектов — молодые люди и организации, представляющие их интересы, заявляющие о намерениях своего участия в государственной политике.

Процесс разработки Стратегии оказался весьма затягивающим и подчиняющим себе. Весь 2005 г. и первая половина 2006 г. прошли в условиях поиска ответов на все возникающие вопросы.

К текущему моменту произошло то, о чем могут только мечтать ученые и управленцы. Основные положения проекта Стратегии и, в частности, проектный подход — а не программно-целевой — присвоен в большом числе региональных моделей молодежной политики. В стране появились регионы, которые фактически переформатировали проект Стратегии под региональный масштаб и содержание, по сути, обеспечили внедрение ее идеологии в сферу реальной молодежной политики. Общественные объединения муниципальных образований Российской Федерации под эгидой Координационного совета по созданию Общероссийского совета муниципальных образований РФ переработали Европейскую Хартию «Об участии молодежи в жизни региональных и местных сообществ». Создана и одобрена муниципалитетами Российская Хартия «Об участии молодежи в жизни городов и поселений России», транслирующая идеи Стратегии на уровень местного самоуправления России. На базе ведущих вузов России, и в частности Российского государственного социального университета, запущены двухлетние научные проекты по отработке эффективных технологий вовлечения молодежи в полноценную жизнь общества.

Идеи вовлечения молодежи в жизнь российского общества живут и внедряются, как и положено идеям на уровне тех, для кого они оказались понятными и притягательными.

Литература

1. *Иваненков С.П.* Актуальные проблемы социализации молодежи. М., 2000.
2. Данные опросов фонда «Общественное мнение». Май 2005 // www.fom.ru
3. Положение молодежи в России: Аналитический доклад. М., 2005.
4. Данные опросов фонда «Общественное мнение». 2004 // www.fom.ru
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2003.